

Юй Цзюэцюэ склонил голову, глядя на стоящую перед ним чашку лапши.

Суп в чашке был молочно-белым, лапша сияла, как нефрит, а несколько сваренных сухих листьев овощей, пусть и уступали своей свежей версии по зелени и аппетитности, но этот небольшой недостаток с лихвой компенсировала золотистая, поджаристая яичница, лежащая рядом.

Его желудок бурчал от голода. Увидев, что Цинь Ся уже с головой погрузился в еду, совершенно не обращая на него внимания, он осторожно потянулся за палочками, взял несколько нитей лапши и положил их в рот.

С первой порцией зашла вторая, а за ней и третья.

Горячая лапша была гладкой, упругой, идеально приготовленной — ни мягкой, ни твердой. Яичница, сочившаяся маслом, позволяла полужидкому желтку вместе с соками, впитавшимися в поджаренные края, растекаться по губам, наполняя рот божественным вкусом, от которого язык невольно дрожал.

Нос и глаза у Юй Цзюэцюэ одновременно защипало.

Последние дни он часто оставался голодным, привычка делить пищу с другими в доме работяги оставила в нем глубокий след. Он торопливо запихивал лапшу в рот, едва успевая пережевывать, и проглатывал ее почти целиком.

Цинь Ся, заметив, с каким усердием тот поглощает еду, забеспокоился, что он может навредить своему желудку, и не выдержал:

— Ешь помедленнее, если не хватит, в кастрюле еще есть.

Услышав это, Юй Цзюэцюэ послушно сбавил темп. Цинь Ся с облегчением снова принялся за свою порцию.

Когда большая чашка лапши была съедена, Цинь Ся почувствовал, что наелся примерно на восемь десятых. Он заметил, как Юй Цзюэцюэ, доев, тихо облизал губы, его лицо выражало очевидное сожаление. Цинь Ся предложил сходить и налить ему еще одну порцию. В кастрюле оставалось достаточно бульона, и так как они ели быстро, лапша не успела размякнуть.

Вторая порция также была съедена Юй Цзюэцюэ до последней ниточки. Когда он опустошил чашку, перевернув ее доньшком вверх, он даже не отрыгнул.

Цинь Ся с удивлением посмотрел на него, и в голове у него родилось предположение, столь невероятное, что он сам едва мог в это поверить:

- Неужели... до сих пор не наелся?

Слова едва слетели с губ, как Цинь Ся заметил, что щеки Юй Цзюэцюэ вспыхнули алым румянцем.

— У меня, может быть, немного... большой аппетит, — пробормотал гер, а затем поспешно добавил, — Но я могу и не есть так много, если это проблема.

Чем больше съедено, тем больше денег потрачено — Юй Цзюэцюэ боялся, что Цинь Ся подумает, будто он слишком дорог в содержании, и начнет упрекать его.

Цинь Ся задумался, вспоминая сюжет книги: помимо описаний того, как Юй Цзюэцюэ жил на широкую ногу, устраивая пиры из десятков блюд, как будто он сам император, с маленькими евнухами, пробующими еду на яд, ничего подобного он не припоминал.

К тому же, глядя на его худощавое телосложение, трудно было поверить, что аппетит у него может быть настолько большим. С этим предположением в голове Цинь Ся спокойно вернулся на кухню, чтобы продолжить замешивать тесто.

На этот раз Юй Цзюэцюэ последовал за ним.

Он надел еще одну ватную куртку, которую Цинь Ся нашел, покопавшись в сундуке, и теперь сидел на низкой табуретке, помогая поддерживать огонь.

Однако очень скоро Цинь Ся понял, что недооценил проблему.

Один кусок теста, второй, третий...

Третья чашка лапши, четвертая, пятая!

Пять огромных чашек лапши подряд отправились в желудок Юй Цзюэцюэ, и он даже не издал ни звука.

К концу раскатывания теста Цинь Ся уже был совершенно ошеломлен. Он даже усомнился в том, что Юй Цзюэцюэ, доев пятую чашку и заявив, что наконец-то насытился, говорил правду.

— Ты точно наелся? — уточнил он.

Юй Цзюэцюэ больше не сопротивлялся осознанию того, что он, по сути, настоящий обжора. Если завтра Цинь Ся решит вернуть его работоторговцу с формулировкой «слишком прожорлив, содержать невозможно», это, вероятно, будет вполне разумным шагом.

Цинь Ся переспросил еще несколько раз, и только услышав сдержанную отрывку Юй Цзюэцюэ, наконец-то поверил ему.

— Как говорится, иметь возможность есть — это счастье. А ты посмотри: ешь столько, а даже не полнеешь. Разве это не прекрасно? — утешил его Цинь Ся, одновременно исподтишка бросив взгляд на плоский живот Юй Цзюэцюэ.

В книге Юй Цзюэцюэ был описан так: привлекательный до пугающей экзотичности, с мрачным, хищным нравом, способный править из тени, жестокий и безжалостный.

Но, по мнению Цинь Ся, даже самый устрашающий злодей не мог скрыть милую округлость живота после плотного ужина.

Если так подумать...

Это даже немного очаровательно.

Сторож в переулке уже дважды ударил в деревянную колотушку, возвещая о наступлении второго часа ночи. Хотя в это время в городе не было комендантского часа, и многие трактиры и развлекательные дома продолжали работать до рассвета, простые горожане, обремененные дневными заботами, все равно привыкли ложиться рано и вставать с первыми лучами солнца.

Прежний хозяин тела, будучи беззаботным гулякой, нередко проводил ночи в питейных заведениях, распивая вино и рассказывая байки. Но теперь, когда в его теле обосновался Цинь Ся, все изменилось — он уже видел себя сторонником здорового образа жизни.

Подумав об этом, Цинь Ся, держа в зубах деревянный зубочистку, невольно зевнул.

Умывшись, он погасил свет и лег спать. В доме было достаточно постельных принадлежностей, поэтому он сделал два спальных места: одно для себя, другое для Юй Цзюэцюэ.

Как мужчина, он понимал, что утренние физиологические реакции неизбежны. А еще, учитывая, что в прошлой жизни его ориентация была столь же изогнутой, как спираль от комаров, Юй Цзюэцюэ казался ему равным, почти как собрат. Если бы произошло что-то неловкое, это стало бы катастрофой.

Причину же, почему он не стал продолжать «брачную ночь», Цинь Ся обдумал еще за раскатыванием теста:

— Я слышал от торговца, что твое тело слабое. Пока не восстановишься, не стоит перенапрягаться. Вчера я был пьян, не принимай это близко к сердцу.

Юй Цзюэцюэ выслушал эти слова с легким чувством облегчения, но и с каплей беспокойства.

Перед его уходом одна из женщин, также ожидавшая продажи, сказала ему, что стать законным супругом в приличной семье — это счастье, о котором многие могут только мечтать. Все, что нужно, — угодить мужу в постели, завести сына для продолжения рода, и если семья не будет слишком строгой, они, скорее всего, вернут ему свободу, избавив от статуса рабского договора.

Юй Цзюэцюэ уже был готов стиснуть зубы и подчиниться, но Цинь Ся неожиданно остановился в последний момент. Это заставило его задуматься: не пожалел ли мужчина о своем решении?

Кто же захочет выложить пять лян серебра, чтобы жениться на обжоре, чье здоровье не позволяет даже исполнять супружеские обязанности?

Эта мысль так сильно тревожила Юй Цзюэцюэ, что он осторожно задал Цинь Ся еще пару вопросов. Но, к своему удивлению, увидел, что тот действительно не держит на него зла и даже не думает об этом: как только голова Цинь Ся коснулась подушки, он мгновенно заснул, и теперь его ровное дыхание спокойно раздавалось в комнате.

Юй Цзюэцюэ неохотно спрятался под свое одеяло, закрыв глаза, хотя в голове царил полный хаос. Сон не приходил — он боялся лишний раз повернуться, чтобы не разбудить Цинь Ся. Так, сдерживая себя, он не знал, сколько времени прошло, пока, наконец, не провалился в глубокий, но тревожный сон.

На следующее утро, когда Цинь Ся открыл глаза, в комнату проникал слабый рассветный свет.

Зимой утро наступает поздно, и Цинь Ся прикинул, что сейчас, вероятно, еще около семи утра, что совпадало с его привычным режимом, выработанным в прошлой жизни.

Пробежавшись мыслями по делам, которые нужно сделать сегодня, он попытался подняться с постели, но сразу почувствовал что-то неладное.

Неизвестно, насколько сильно мерз ночью его сосед по кровати, но, даже находясь под своим собственным одеялом, Юй Цзюэцюэ умудрился свернуться в тугой клубок и всеми силами прижаться к боку Цинь Ся. Сам Цинь Ся, спавший крепко, ничего не заметил. И так они провели ночь, практически обнявшись.

Когда он осторожно вытаскивал руку из-под одеяла, его пальцы случайно коснулись кончиков пальцев Юй Цзюэцюэ, которые оказались холодными, как снег.

Солнце еще не встало, и времени оставалось достаточно, чтобы поспать еще немного. Но вместо этого Цинь Ся аккуратно выбрался из постели, стараясь не разбудить даже во сне

нахмурившегося от своих тревог Юй Цзюэцюэ.

Уходя, он не забыл забрать чашку с тестом, оставленную на краю кана.

Утренняя прохлада наполняла воздух свежестью, и Цинь Ся поднял голову, взглянув на небеса, ясные, как стекло.

Он окончательно принял факт своего переноса в книгу.

Если подумать, это было не так уж плохо: новое тело было здоровым, без увечий и болезней, а еще он стал владельцем дома в уездном городке. Условия нельзя было назвать плохими.

Когда он наконец избавится от этого «Большого Будды», Верховного инспектора Юя, Цинь Ся твердо верил, что, опираясь на собственные усилия, сможет наладить жизнь в империи Даюн, пусть и на скромном уровне. Эта мысль принесла ему легкость и покой.

После того как он набрал воды и умылся в кухне, Цинь Ся начал готовить лепешки из теста, замешанного накануне.

Все остальное подождет, еда — прежде всего.

За ночь тесто из смешанных зерен увеличилось в объеме вдвое: при нажатии пальцем оставалось углубление. В этом мире не знали дрожжей, поэтому процесс брожения шел именно так. Но в следующий раз все будет проще — нужно просто отложить кусочек готового теста в качестве «старой закваски», которая ускорит подъем нового.

Оставив часть теста для следующей закваски, Цинь Ся нагрел немного масла на сковороде. Когда оно остыло, получилось так называемое «созревшее масло», которое он смешал с мукой, солью и нарезанным зеленым луком, собранным на заднем дворе, чтобы сделать ароматную начинку для лепешек.

Однако он не собирался готовить простые луковые лепешки, а решил сделать слоеные лепешки —
□□□ (цянью цэнбин).

Он раскатал тесто в ровный круг, затем равномерно нанес слой ароматного масла. Потом сделал аккуратные надрезы на равном расстоянии по краям, складывал тесто вверх-вниз, а затем влево-вправо, чтобы создать слои. После этого тесто слегка раскатывалось, а затем обжаривалось на сковороде. В результате получались слоистые, мягкие и невероятно ароматные лепешки с луком.

Учитывая аппетит Юй Цзюэцюэ, Цинь Ся приготовил два таких лепешечных круга, которые можно было разрезать на шесть крупных кусков.

В доме не оказалось риса, чтобы сварить кондже, поэтому он решил приготовить большую кастрюлю супа из яиц, используя два яйца.

Когда Юй Цзюэцюэ проснулся, запах еды, как и накануне вечером, уже наполнил весь дворик. Он сонно оглядел пустую половину кровати и, осознав, что проспал слишком долго, резко сел.

Для нового фулана*, только что вошедшего в семью, не встать рано, чтобы помочь по хозяйству, было уже плохо, а тут он позволил себе проспать до такого времени!

(ПП: официальный супруг, по типу главной жены-фужэнь, только мужчина)

Юй Цзюэцюэ почувствовал, как по телу прокатилась волна холода. Ему казалось, что он уже видит свое будущее: Цинь Ся гневно отчитывает его и возвращает обратно работорговцу, указывая в качестве причины «ленивый и бесполезный».

Юй Цзюэцюэ в страхе и растерянности натянул одежду и выбежал за дверь, но, то ли из-за поспешности, то ли от утреннего холода, почувствовал головокружение, пересекая порог.

Пытаясь удержать равновесие, он инстинктивно схватился за дверную раму, но неожиданно оказался в чьих-то надежных объятиях.

Подняв голову, он увидел, как на него с тревогой смотрит Цинь Ся.

— Ты себя плохо чувствуешь? — голос Цинь Ся звучал сдержанно, но в нем слышалась явная забота.

Цинь Ся крепко держал Юй Цзюэцюэ, внутренне содрогаясь от того, что могло бы случиться, если бы он не подошел вовремя. Его длинные ноги и быстрый шаг позволили ему поймать Юй Цзюэцюэ буквально в последний момент — иначе тот мог бы сильно ушибиться.

Глядя на бледное, как полотно, лицо Юй Цзюэцюэ, Цинь Ся тут же понял, в чем дело: скорее всего, это снова проявились не залеченные до конца внутренние травмы.

Юй Цзюэцюэ, не зная этих предположений, лишь нервничал. Очнувшись от приступа головокружения, он выпрямился и с трудом сказал:

— Все в порядке.

Затем он потупил взгляд и тихо извинился:

— Прости меня, я виноват. Я проспал, но больше этого не повторится.

На его слова ответил тихий, теплый смешок.

Цинь Ся смотрел на него, как на диковинное создание:

— Ты так торопился, что даже завязал пояс неправильно. Все это только ради того, чтобы извиниться передо мной?

Юй Цзюэцюэ, опустив взгляд, обнаружил, что действительно завязал одежду как попало. Он тут же попытался исправить ситуацию, но лишь усугубил ее, превратив узел в тугой мертвый узел.

Цинь Ся, наблюдая за его беспомощными действиями, не смог сдержать улыбку. Подняв уголки губ, он мягко подтолкнул Юй Цзюэцюэ обратно в дом и поставил его в солнечное место.

— У нас в доме только ты и я. Я привык рано вставать, но это не имеет к тебе никакого отношения. Если тебе хочется, можешь спать хоть до полудня — никакой беды в этом нет, — говорил он, ловко развязывая узел своими длинными и уверенными пальцами.

Закончив, он аккуратно поправил одежду Юй Цзюэцюэ и спросил:

— Голова все еще кружится?

Юй Цзюэцюэ удивленно поднял взгляд.

— Ты знаешь, что я...

Цинь Ся кивнул, не давая ему закончить:

— Торговец сказал мне, что ты потерял воспоминания о своем прошлом. Обычно это происходит из-за травмы головы. Думаю, после ранения ты так и не обращался к нормальному врачу, из-за чего у тебя и остались последствия.

Вот как. Юй Цзюэцюэ встретился с ним взглядом. На мгновение ему показалось, что глаза этого человека могут видеть его насквозь.

После этого небольшого инцидента оба наконец уселись за стол в гостиной, чтобы позавтракать. Слоеные лепешки оказались больше ладони и очень плотными. Верхний слой был хрустящим, а середина, даже несмотря на то, что была сделана из смешанного зерна, могла поспорить с белой мукой в мягкости и вкусе. Не требовалось ни соленых овощей, ни маринованных яиц — их можно было есть просто так, и все равно они были восхитительными.

Цинь Ся, превзойдя самого себя, съел целых три куска и остановился, после чего неспешнопил суп и смотрел, как Юй Цзюэцюэ с аппетитом уплетает свою порцию.

Юй Цзюэцюэ ел много, но делал это с удивительной аккуратностью, наслаждаясь каждым кусочком. Цинь Ся, наблюдая за ним, начал понимать, почему в его прошлой жизни так популярны были стримы, где люди едят.

Он неторопливопил суп, стараясь синхронизироваться с Юй Цзюэцюэ, чтобы закончить еду одновременно с ним.

Когда завтрак подошел к концу, Юй Цзюэцюэ на этот раз решительно настоял на том, чтобы самому вымыть посуду, и даже не позволил Цинь Ся вмешаться. Цинь Ся, убедившись, что Юй Цзюэцюэ чувствует себя нормально, напомнил ему быть осторожным и использовать теплую воду для мытья посуды, после чего отпустил его.

Скоро во дворе раздался звук льющейся воды. Тем временем Цинь Ся вытер стол тряпкой, а затем достал глиняный кувшин, чтобы проверить свои финансовые запасы.

Первоначальный хозяин тела, похоже, не имел ни малейшего представления о том, сколько у него осталось денег. Он никогда не знал меры в тратах, и Цинь Ся не мог рассчитывать на его память.

Однако, опустошив кувшин, он понял, что рассчитывать тут действительно не на что.

После тщательного пересчета выяснилось, что в кувшине осталось меньше пяти цяней серебра. Помимо этого, там лежал небольшой мешочек с тремя нефритовыми игральными костями, выигранными прежним хозяином тела во время удачного похода в игорный дом.

И это все, что осталось после того, как этот человек потратил деньги на покупку Юй Цзюэцюэ.

Глядя на эту жалкую картину, Цинь Ся невольно хотел закатить глаза.

— Ну конечно, — пробормотал он себе под нос. — Этот человек явно жил сегодняшним днем, совершенно не думая о завтрашнем. Купил фулана, а что дальше? Питаться воздухом?

Неудивительно, что прежний хозяин тела в конечном итоге превратился в неспособного злого пьяницу, который срывал свое раздражение на близких.

Цинь Ся, успевший в своей прошлой жизни увидеть многое, в том числе и ценности, взял игральные кости и поднял их к свету. На вид нефрит был довольно хорошего качества, и, скорее всего, они могли стоить каких-то денег. Продать их в ломбард — это могло стать первой финансовой помощью, своего рода «стартовым капиталом».

Для простого человека, чтобы наладить жизнь, существовали четыре пути: быть ученым (□), земледельцем (□), ремесленником (□) или торговцем (□). Первые два отпадали, поскольку они были недостижимы, а повар в местной системе не считался ремесленником. Значит, оставалась только торговля, причем еда была его единственным козырем.

Теперь перед ним стоял вопрос: какой продукт выбрать, чтобы заработать первые деньги?

Это было ключевым решением, от которого зависело его будущее.

*Слоеные лепешки с луком □□□□

<http://bllate.org/book/13601/1206007>